ОСЕННЯЯ АНТОЛОГІЯ.

PG+
3233
.074
1910Z

ОСЕННЯЯ АНТОЛОГІЯ.

ВЛАДИМІРЪ СОЛОВЬЕВЪ, ИННОКЕНТІЙ АННЕНСКІЙ, ВАЛЕРІЙ БРЮСОВЪ, ѲЕДОРЪ СОЛОГУБЪ, ВЯЧЕСЛАВЪ ИВАНОВЪ, К. БАЛЬМОНТЪ, З. ГИППІУСЪ, АЛЕКСАНДРЪ БЛОКЪ М. КУЗМИНЪ, АНДРЕЙ БѢЛЫЙ, АННА АХМАТОВА, П. СОЛОВЬЕВА, ЮРІЙ ВЕРХОВСКІЙ, АЛЕКСАНДРЪ ТАМАМШЕВЪ, МАКСИМИЛІАНЪ ВОЛОШИНЪ, НИКОЛАЙ КЛЮЕВЪ, СЕРГѢЙ ЕСЕНИНЪ, К. ФОФАНОВЪ.

Второе дополненное изданіе.

СОСТАВИЛА Е. НИКОЛАЕВА.

LIBRARY
MAR 17 1999
UNIVERSITY OF TORONTO

Осеннею дорогой.

Меркнетъ день. Надъ усталой, поблекшей землей
Неподвижныя тучи висятъ.
Подъ прощальнымъ уборомъ листвы золотой
И березы и липы сквозятъ.

Душу обняли нѣжно-тоскливые сны,
Замерла безконечная даль,
И роскошно-блестящей и шумной весны
Примиренному сердцу не жаль.

И, какъ будто, земля, отходя на покой,
Погрузилась въ молитву безъ словъ,
И спускается съ неба невидимый рой
Блѣднокрылыхъ, безмолвныхъ духовъ.

ВЛАДИМІРЪ СОЛОВЬЕВЪ.

Ты опять со мной.

Ты опять со мной, подруга осень,
Но сквозь сѣть твоихъ нагихъ вѣтвей
Никогда блѣднѣй не стыла просинь,
И снѣговъ не помню я мертвѣй.

Я твоихъ печальнѣе отребій
И чернѣй твоихъ не видѣлъ водъ.
На твоемъ линяло-ветхомъ небѣ
Желтыхъ тучъ меня томитъ разводъ.

До конца все видѣть цѣпенѣя...
О, какъ этотъ воздухъ странно новъ...
Знаешь что... я думалъ, что больнѣе...
Увидать пустыми тайны сновъ...

ИННОКЕНТІЙ АННЕНСКІЙ.

Электрическій свѣтъ въ аллеѣ.

О, не зови меня, не мучь!
Скользя безцѣльно, утомленно,
Зачѣмъ у ночи вырвалъ лучъ,
Засыпавъ блескомъ вѣтку клена?

Ее пьянитъ зеленый чадъ,
И думъ ей жаль разоблаченныхъ,—
И слезы осени дрожатъ
Въ ея листахъ раззолоченныхъ,

А сводъ такъ сладостно дремучъ,
Такъ миротворно слиты звенья
И сна, и мрака, и забвенья...
О, не зови меня, не мучь!

ИННОКЕНТІЙ АННЕНСКІЙ.

Августъ.

Еще горятъ лучи подъ сводами дорогъ,
Но тамъ, между вѣтвей, все глуше и нѣмѣе:
Такъ улыбается блѣднѣющій игрокъ,
Ударовъ жребія считатьн уже е смѣя.

Ужъ день за сторами. Съ туманомъ по землѣ
Влекутся медленно унылые призывы...
А съ ними все душнѣй, дробится въ хрусталѣ
Еще вчерашній блескъ, и только астры живы...

Иль это—шествіе бѣлѣетъ сквозь листы?
И тамъ огни дрожатъ подъ матовой короной,
Дрожатъ и говорятъ: „А ты? Когда же ты?"
На мѣдномъ языкѣ истомы похоронной...

Игру ли кончили, гробница ль уплыла,
Но проясняются на сердцѣ впечатлѣнья;
О, какъ я понялъ васъ: и вкрадчивость тепла,
И роскошь цвѣтниковъ, гдѣ проступаетъ тлѣнье...

ИННОКЕНТІЙ АННЕНСКІЙ.

Сентябрь.

Раззолоченные, но чахлые сады,
Съ соблазномъ пурпура на медленныхъ недугахъ,
И солнца поздній пылъ въ его короткихъ дугахъ,
Невластный вылиться въ душистые плоды.

И желтый шелкъ ковровъ, и грубые слѣды,
И понятая ложь послѣдняго свиданья;
И парковъ черные, бездонные пруды,
Давно готовые для спѣлаго страданья...

Но сердцу чудится лишь красота утратъ,
Лишь упоеніе въ завороженной силѣ;
И тѣхъ, которые ужъ лотоса вкусили,
Волнуетъ вкрадчивый осенній ароматъ.

ИННОКЕНТІЙ АННЕНСКІЙ.

Осенній романсъ.

Гляжу на тебя равнодушно,
А въ сердцѣ тоски не уйму...
Сегодня томительно душно,
Но солнце таится въ дыму.

Я знаю, что сонъ я лелѣю.—
Но вѣренъ хоть снамъ я,—а ты?
Ненужною жертвой въ аллею
Падутъ умирая листы...

Судьба насъ сводила слѣпая:
Богъ знаетъ, мы свидимся ль т а м ъ...
Но знаешь? Не смѣйся, ступая
Весною по мертвымъ листамъ!

ИННОКЕНТІЙ АННЕНСКІЙ.

Ранняя осень.

Ранняя осень любви умирающей,
Тайно люблю золотые цвѣта
Осени ранней любви умирающей.
Вѣтви прозрачны, аллея пуста,
Въ сини блѣднѣющей, вѣющей, тающей
Странная тишь, красота, чистота.

Листья со вздохомъ, подъ вѣтромъ, ихъ нѣжащемъ.

Тихо взлетаютъ и катятся вдаль,
(Думы о прошломъ въ видѣніи нѣжащемъ).
Жить и не жить—хорошо и не жаль.
Острымъ серпомъ, безболѣзненно рѣжущимъ,
Сжаты въ душѣ и восторгъ и печаль.

Ясное солнце—безъ прежней мятежности,
Дождь—словно капли струящихся росъ,
(Томныя ласки безъ прежней мятежности),
Запахъ, въ садахъ, доцвѣтающихъ розъ.
Въ сердцѣ родникъ успокоенной нѣжности,
Счастье—безъ ревности, страсть—безъ угрозъ.

Здравствуйте, дни голубые, осенніе,
Золото липъ и осинъ багрянецъ!
Здравствуйте, дни, предъ разлукой осенніе!
Блѣдный—надъ яркими днями—вѣнецъ!
Дни недосказанныхъ словъ, и мгновенія
Въ кроткой покорности слитыхъ сердецъ!

ВАЛЕРІЙ БРЮСОВЪ.

Роскошенъ лѣсъ въ огнѣ осеннемъ,
Когда закатомъ пьянъ багрецъ,
И ты, царица, входишь къ тѣнямъ
И папоротникъ—твой вѣнецъ!

Листва живетъ мгновеньемъ пышнымъ,
Отъ всѣхъ надеждъ отрѣшена.
И стало будущее лишнимъ,
И осень стала какъ весна!

Но вздрогнешь ты у той поляны,
Гдѣ мой припомнится привѣтъ,
И долго будетъ листъ багряный
Хранить замедленный твой слѣдъ.

ВАЛЕРІЙ БРЮСОВЪ.

Сухіе листья.

Сухіе листья, сухіе листья,
Сухіе листья, сухіе листья,
Подъ тусклымъ вѣтромъ, кружатъ, шуршатъ.
Сухіе листья, сухіе листья,
Подъ тусклымъ вѣтромъ сухіе листья,
Кружась, что шепчутъ, что говорятъ?

Трепещутъ сучья подъ тусклымъ вѣтромъ;
Сухіе листья подъ тусклымъ вѣтромъ
Что говорятъ намъ, намъ шепчутъ что!
Трепещутъ листья подъ тусклымъ вѣтромъ,
Лепечутъ листья подъ тусклымъ вѣтромъ,
Но словъ не понялъ никто, никто!

Межъ черныхъ сучьевъ синѣетъ небо,
Такъ странно-нѣжно синѣетъ небо,
Такъ странно-нѣжно прозрачна даль.
Межъ голыхъ сучьевъ прозрачно небо,
Надъ чернымъ прахомъ синѣетъ небо.
Какъ будто небу земли не жаль.

Сухіе листья шуршатъ о смерти,
Кружась подъ вѣтромъ, шуршатъ о смерти:
Они блестѣли, имъ время тлѣть.
Прозрачно небо. Шуршатъ о смерти
Сухіе листья,—чтобъ послѣ смерти
Въ цвѣтахъ весеннихъ опять блестѣть!

ВАЛЕРІЙ БРЮСОВЪ.

Рудо-желтый и багряный,
Подъ моимъ окошкомъ кленъ
Знойнымъ лѣтомъ утомленъ.
Рудо-желтый и багряный,
Онъ ликуетъ, солнцемъ пьяный,
Буйнымъ вихремъ охмеленъ.
Рудо-желтый и багряный,
Осень празднуетъ мой кленъ.

ѲЕДОРЪ СОЛОГУБЪ.

Осень.

Что́ листъ упавшій—даръ червонный;
Что́ взглядъ окрестъ—багряный стихъ...
А надъ парчою похоронной
Такъ обликъ смерти ясно тихъ.

Такъ въ золотой пыли заката
Отрадно изнываетъ даль;
И горъ согласныхъ такъ крылата
Голуботусклая печаль.

И мѣсяцъ бѣлый расцвѣтаетъ
На тверди призрачной—такъ чистъ!.
И, какъ молитва, отлетаетъ
Съ нѣмыхъ деревъ горящій листъ...

ВЯЧЕСЛАВЪ ИВАНОВЪ.

Невѣдомое.

Осень... Чуть солнце надъ лѣсомъ привстанетъ
Киноварь вспыхнетъ, зардѣетъ багрецъ.
Но вѣтру гарью сладимой потянетъ...
Свѣтлый проглянетъ изъ облакъ борецъ:
Озимь живая, хмурая ель,—
Стлань парчевая—бурая прѣль...

Солнце въ недолгомъ бореньи стомится—
Кто-то туманы прядетъ да прядетъ,
Боромъ маячитъ, болотомъ дымится,
Логомъ струится, лугомъ бредетъ,—
По перелѣсьямъ пугаетъ коня,—
Темнымъ безвѣстьемъ маетъ, стеня.

ВЯЧЕСЛАВЪ ИВАНОВЪ.

Желѣзная осень.

Гдѣ огневой поры
Червленецъ любезный?
О, золотой игры
Конецъ желѣзный!

Долъ потемнѣлъ и смуръ.
Какъ оружія ржавы
Съ холма, гдѣ стебель буръ,
Я вижу дубравы.

Легли весны бойцы
Въ сѣчи безполезной.
Гдѣ хмель и гдѣ вѣнцы
На тризнѣ желѣзной?

Какъ харалужный строй
Утесовъ отвѣсы,
Гроза, мелькнутъ порой
Изъ-за хмурой завѣсы.

ВЯЧЕСЛАВЪ ИВАНОВЪ.

Августъ.

Какъ ясенъ Августъ, нѣжный и спокойный,
Сознавшій мимолетность красоты.
Позолотивъ древесные листы,
Онъ чувства заключилъ въ порядокъ стройный.

Въ немъ кажется ошибкой полдень знойный,—
Съ нимъ больше сродны грустныя мечты,
Прохлада, прелесть тихой простоты
И отдыха отъ жизни безпокойной.

Въ послѣдній разъ, предъ остріемъ серпа,
Красуются колосья наливные,
Взамѣнъ цвѣтовъ вездѣ плоды земные.

Отраденъ видъ тяжелаго снопа.
А въ небѣ журавлей летитъ толпа,
И крикомъ шлетъ „прости“ въ мѣста родныя.

К. БАЛЬМОНТЪ

Грусть.

Внемля вѣтру, тополь гнется, съ неба ложль осенній льется,
Надо мною раздается мѣрный стукъ часовъ стѣнныхъ;
Мнѣ никто не улыбнется, и тревожно сердце бьется,
И изъ устъ невольно рвется монотонный грустный стихъ;
И какъ тихій дальній топотъ, за окномъ я слышу ропотъ,
Непонятный странный шопотъ — шопотъ капель дождевыхъ.
Отчего такъ вѣтру скучно? Плачетъ, поетъ онъ докучно,—
И въ отвѣтъ ему стозвучно капли бьются и бѣгутъ;

Я внемлю, мнѣ такъ же скучно, грусть со мною неразлучна,
Равномѣрно, однозвучно рѳмы стройныя текутъ;
Въ эту пору непогоды, подъ унылый плачъ Природы,
Дни, мгновенья, точно годы – годы медленно идутъ.

К. БАЛЬМОНТЪ

Августъ.

Пуста пустыня дождевая...
И, обезкрылѣвъ въ мокрой мглѣ,
Тяжелый дымъ ползетъ не тая,
И никнетъ, тянется къ землѣ.

Страшна пустыня дождевая...
Охолодѣвъ, во тьмѣ, во снѣ,
Скользитъ душа, ослабѣвая,
Къ своей послѣдней тишинѣ.

Гдѣ мука мудрыхъ, радость рая?
Одна пустыня дождевая,
Дневная ночь, ночные дни...
Живу безъ жизни, не страдая,
Сквозь сонъ все рѣже вспоминая
Въ тѣни угасшіе огни.

Господь, Господь мой, Солнце, гдѣ ты
Душѣ плѣненной помоги!
Прорви туманные навѣты,
О, просіяй! Коснись! Сожги..

З. ГИППІУСЪ.

Осенній день.

Идемъ по жнивью, не спѣша,
Съ тобою, другъ мой скромный,
И изливается душа,
Какъ въ сельской церкви темной.

Осенній день высокъ и тихъ,
Лишь слышно—воронъ глухо
Зоветъ товарищей своихъ,
Да кашляетъ старуха.

Овинъ разстелетъ низкій дымъ,
И долго подъ овиномъ
Мы взоромъ пристальнымъ слѣдимъ
За лётомъ журавлинымъ.

Летятъ, летятъ косымъ угломъ,
Вожакъ звенитъ и плачетъ...
О чемъ звенитъ, о чемъ, о чемъ,
Что плачъ осенній значитъ?

И низкихъ, нищихъ деревень
Не счесть, не смѣрить окомъ,
И свѣтитъ въ потемнѣвшій день
Костеръ въ лугу далекомъ.

О, нищая моя страна,
Что ты для сердца значишь?
О, бѣдная моя жена,
О чемъ ты горько плачешь?

АЛЕКСАНДРЪ БЛОКЪ

Осенняя воля.

Выхожу я въ путь, открытый взорамъ,
Вѣтеръ гнетъ упругіе кусты,
Битый камень легъ по косогорамъ,
Желтой глины скудные пласты.

Разгулялась осень въ мокрыхъ долахъ,
Обнажила кладбища земли,
Но густыхъ рябинъ въ проѣзжихъ селахъ
Красный цвѣтъ зарѣетъ издали.

Вотъ оно, мое веселье, пляшетъ
И звенитъ, звенитъ въ кустахъ пропавъ!
И вдали, вдали призывно машетъ
Твой узорный, твой цвѣтной рукавъ.

Кто взманилъ меня на путь знакомый,
Усмѣхнулся мнѣ въ окно тюрьмы?
Или—каменнымъ путемъ влекомый
Нищій, распѣвающій псалмы?

Нѣтъ, иду я въ путь никѣмъ не званный,
И земля да будетъ мнѣ легка!
Буду слушать голосъ Руси пьяной,
Отдыхать подъ крышей кабака!

Запою ли про свою удачу,
Какъ я молодость сгубилъ въ хмелю...
Надъ печалью нивъ твоихъ заплачу,
Твой просторъ навѣки полюблю...

Много насъ—свободныхъ, юныхъ, статныхъ,
Умираетъ, не любя...
Пріюти ты въ даляхъ необъятныхъ!
Какъ и жить и плакать безъ тебя!

АЛЕКСАНДРЪ БЛОКЪ.

Поздней осенью изъ гавани
Отъ заметенной снѣгомъ земли
Въ предназначенное плаванье
Плывутъ тяжелые корабли.

Въ черномъ небѣ означается
Надъ водой подъемный кранъ,
И одинъ фонарь качается
На оснѣженномъ берегу.

И матросъ, на бортъ не принятый,
Идетъ, шатаясь, сквозь буранъ.
Все потеряно, все выпито!
Довольно—больше не могу!

А берегъ опустѣлой гавани
Ужъ первый легкій снѣгъ занесъ.
Въ самомъ чистомъ, въ самомъ нѣжномъ саванѣ
Сладко ли спать тебѣ, матросъ?

АЛЕКСАНДРЪ БЛОКЪ.

Хрустальное небо, видное сквозь лѣсъ;
Усталымъ взорамъ
Искать отрадно скрытые скиты!
Такъ ждало сердце завтрашнихъ чудесъ,
Отдавъ озерамъ
Привольной жизни тщетныя мечты!
Убранство церкви — желтые листы
Парчей нависли надъ ковромъ парчевымъ.
Златятся дали!
Давно вы ждали,
Чтобъ желтымъ, краснымъ, розовымъ, лиловымъ
Иконостасы лѣса расцвѣтить,
Давно исчезла паутины нить.
Надежду смѣнитъ сладостная грусть,
Тоски лампада,
Смиренній мысли въ сердцѣ богомольномъ.
И кто-то тихій шепчетъ: „ну и пусть!
Чего намъ надо?
Грѣхамъ простится вольнымъ и невольнымъ".

Душа внимаетъ голосамъ недольнимъ,
Осенней тишью странно плѣнена,—
Знакомымъ плѣномъ!
И легкимъ тлѣномъ
Земля дохнетъ, въ багрецъ облечена.
Какъ четки облака! стоятъ, не тая;
Спустилась ясность и печаль святая!

М. КУЗМИНЪ

Пролетѣла весна.
Лѣсъ багрянцемъ шумитъ.
Огневая луна
Изъ тумана глядитъ.

Или вспомнила вновь
Ты весенніе дни,
Молодую любовь,
Заревые огни?

Пролетѣла весна—
Вѣчно горькій обманъ...
Побѣднѣла луна.
Серебрится туманъ.

Отвернулась... Глядишь
Съ безконечной тоской,
Какъ надъ быстрой рѣкой
Покачнулся камышъ.

АНДРЕЙ БѢЛЫЙ.

Пѣсня послѣдней встрѣчи.

Такъ безпомощно грудь холодѣла,
Но шаги мои были легки.
Я на правую руку надѣла
Перчатку съ лѣвой руки.
Показалось, что много ступеней,
А я знала ихъ только три!
Между кленовъ шопотъ осенній
Попросилъ: „Со мною умри!
Я обманутъ, слышишь, унылой,
Перемѣнчивой, злой судьбой.
Я отвѣтила: „Милый, милый!
И я тоже.—Умру съ тобой»...
Это пѣсня послѣдней встрѣчи.
Я взглянула на темный домъ.
Только въ спальнѣ горѣли свѣчи
Равнодушно-желтымъ огнемъ.

АННА АХМАТОВА.

Царскосельская статуя.

Уже кленовые листы
На прудъ слетаютъ лебединый,
И окровавлены кусты
Неспѣшно зрѣющей рябины.

И ослѣпительно стройна,
Поджавъ незябнущія ноги,
На камнѣ сѣверномъ она
Сидитъ и смотритъ на дороги.

Я чувствовала смутный страхъ
Предъ этой дѣвушкой воспѣтой.
Играли на ея плечахъ
Лучи скудѣющаго свѣта.

И какъ могла я ей простить
Восторгъ твоей хвалы влюбленной...
Смотри, ей весело грустить,
Такой нарядно обнаженной.

АННА АХМАТОВА.

Въ осеннемъ саду.

Тишина золотовѣйная въ осеннемъ саду,
Только слышно, какъ колотятъ бѣлье на пруду,
Да какъ падаетъ гдѣ-то яблоко звукомъ тугимъ,
Да какъ шепчется чье-то сердце тихо съ сердцемъ
моимъ.

П. СОЛОВЬЕВА.

Въ августѣ.

Ужели—кончено? Ужели это было
Въ послѣдній разъ?
Да, мимо ты прошла—и задрожало сердце
Въ послѣдній разъ.

Влачился жизни плѣнъ, но грезилась далеко
Все только ты.
Въ нежданныхъ образахъ являлась, роковая,
Все только ты.

Не ощутилъ ли я твое прикосновенье,
Крыло твое?
Какъ влажно-холодно сейчасъ дыханье вѣтра—
Крыло твое!

Иль нынѣ понялъ я средь этихъ сосенъ хмурыхъ
Мой тайный рокъ?
Какъ сѣрый полумракъ спускающейся ночи—
Мой тайный рокъ?

Я сердце вопрошалъ: не задрожишь ты, сердце,
Ужъ никогда?
И словно вторили холоднымъ шумомъ сосны:
Ужъ никогда...

ЮРІЙ ВЕРХОВСКІЙ

Сосны.

Знакомымъ шумомъ шорохъ ихъ вершинъ
Меня привѣтствовалъ..'

Пушкинъ.

О, хмурые друзья! какъ полюбилъ я васъ.
Порой осеннею въ передзакатный часъ.
Вы были извлавна, развѣсистыя сосны,
И думамъ, и мечтамъ, и пѣснямъ плодоносны;
Но никогда душѣ кочующей моей
Не навѣвали сновъ отрадпѣй и роднѣй,
Какъ нынѣ —строгія въ эѳирѣ темно-синемъ.
Мы грань вечернюю, таинственную минемъ
Съ одною думою; и снится на яву,
Что въ вашихъ душахъ я невѣдомо живу:
Не часто ль чудился въ суровыхъ вашихъ
хорахъ

Глухой тоски моей сливающійся шорохъ?
И откликъ слышалъ я созвучіямъ роднымъ,
Взлетѣвшимъ нѣкогда съ земли къ мірамъ
иным?—
Такъ гармонически, такъ стройно отвѣчали
Вы, сосны тихія, на зовъ былой печали.

ЮРІЙ ВЕРХОВСКІЙ.

Вѣщій крикъ осенняго вѣтра въ полѣ...
Завернувшись въ складки одежды темной,
Стонетъ бурный Вечеръ въ тоскѣ бездомной,
Стонетъ отъ боли.

Раздирая тьму, облака, туманы,
Простирая алыя къ ночи руки,
Обнажаетъ вечеръ въ порывѣ муки
Рдяныя раны.

Плачьте, плачьте, плачьте, скитальцы вѣтры!
Надъ горой, надъ полемъ глухимъ, надъ пашней
Слышу въ голыхъ прутьяхъ, въ травѣ вчерашней
Вопли Деметры.

МАКСИМИЛІАНЪ ВОЛОШИНЪ.

Влекутъ раздвинутыя шири,
И синь безслезная свѣтлѣй,
И беззаботнѣе и шире
Просторы убранныхъ полей.

И съ каждымъ днемъ яснѣе дали
И дальше дольняя тоска,
И багрецы деревьямъ дали
Свои узорные шелка.

И гордъ и строгъ, какъ цезарь Августъ,
Съ вѣнкомъ на гордой головѣ,
Встрѣчая осень, знатный августъ
Идетъ по скошенной травѣ.

АЛЕКСАНДРЪ ТАМАМШЕВЪ.

Цвѣта мѣди желтой и красной
Осенній садъ.
И улыбкой мудрой и ясной
Горитъ закатъ.

И покрытъ густой позолотой
Заглохшій прудъ.
И далекъ съ дневною заботой
Горбатый трудъ.

И предъ смертью жертвѣ напрасной
Какъ будто радъ,
Цвѣта мѣди желтой и красной
Осенній садъ.

А ЛЕКСАНДРЪ ТАМАМШЕВЪ.

Въ златотканные дни Сентября—
Мнится папертью бора опушка.
Сосны молятся, ладонъ куря,
Надъ твоей опустѣлой избушкой.
Вѣтеръ—сторожъ слѣды старины
Заметаетъ листвой шелестящей.
Изъ-за полога выглянь сосны,
Промелькни за березовой чащей.
Я узнаю косынки каймy,
Грудь и профиль задумчиво кроткій.
Сосны шепчутъ про мракъ и тюрьму.
Про мерцаніе звѣздъ за рѣшеткой,
Про бубенчикъ, въ изгнанья пути,
Про бѣгущія родины дали.
Миръ вамъ, сосны, вы думы мои,
Какъ родимая мать—разгадали,
Въ поминальные дни Сентября.
Вы сыновнюю тайну узнайте,
И о той, что погибла любя,
Небесамъ и землѣ передайте.

НИКОЛАЙ КЛЮЕВЪ.

Осень.

Р. В. Иванову.

Тихо въ чащѣ можжевеля по обрыву
Осень, рыжая кобыла, чешетъ гриву.

Надъ рѣчнымъ покровомъ береговъ
Слышенъ синій лязгъ ея подковъ.

Схимникъ вѣтеръ шагомъ осторожнымъ
Мнетъ листву по выступамъ дорожнымъ,

И цѣлуетъ на рябиновомъ кусту
Язвы красныя незримому Христу.

СЕРГѢЙ ЕСЕНИНЪ.

Изъ осеннихъ мелодій.

Въ осеннемъ холодѣ мерцающаго дня
Сквозятъ ряды аллей, какъ колонады арокъ.
Багряный ихъ навѣсъ такъ нѣженъ и такъ ярокъ,
Какъ будто сотканъ онъ для вѣтра изъ огня.

Вотъ налетитъ сейчасъ дыханіе зефира—
Задуетъ свѣточи—развѣетъ въ прахъ листву,
Гдѣ осень пышная, подобно божеству,
Вершитъ и празднуетъ поминки міра.

Печальный реквіемъ звучитъ повсюду мнѣ:
И въ шорохѣ листовъ шуршащихъ подъ ногами,
И въ шумѣ позднихъ пчелъ надъ поздними цвѣтами,
И въ крикѣ журавлей, летящихъ въ вышинѣ!

Прощай до вешнихъ дней, суровая краса
Таинственныхъ лѣсовъ! Прощайте, небеса
Съ улыбкою зари! Прощайте вы, зарницы!
Прощай раскатъ громовъ,—я вѣрю, будетъ день,
Ты снова прогремишь, чтобъ вызвать изъ гробницы
Развѣнчанной весны оправданную тѣнь!..

К. ФОФАНОВЪ.

Содержаніе:

Стр.

ВЛАДИМІРЪ СОЛОВЬЕВЪ.

Осенней дорогой 3

ИННОКЕНТІЙ АННЕНСКІЙ.

Ты опять со мной 4

Электрическій свѣтъ въ аллеѣ 5

Августъ 6

Сентябрь 8

Осенній романсъ 9

ВАЛЕРІЙ БРЮСОВЪ.

Ранняя осень 10

Роскошенъ лѣсъ въ огнѣ осеннемъ . . 12

Сухіе листья 13

ѲЕДОРЪ СОЛОГУБЪ.

Рудо-желтый и багряный 15

ВЯЧЕСЛАВЪ ИВАНОВЪ.

Осень 16

Невѣдомое 17

Желѣзная осень 18

Стр.

К. БАЛЬМОНТЪ.
Августъ 19
Грусть 20

З. ГИППІУСЪ
Августъ 22

АЛЕКСАНДРЪ БЛОКЪ.
Осенній день 24
Осенняя воля 26
Поздней осенью изъ гавани 28

М. КУЗМИНЪ.
Хрустальное небо, видное сквозь лѣсъ. 29

АНДРЕЙ БѢЛЫЙ.
Осень. 31

АННА АХМАТОВА.
Пѣсня послѣдней встрѣчи 32
Царскосельская статуя 33

П. СОЛОВЬЕВА.
Въ осеннемъ саду 34

ЮРІЙ ВЕРХОВСКІЙ.
Въ августѣ 35
Сосны 37

МАКСИМИЛІАНЪ ВОЛОШИНЪ.
Вѣщій крикъ осенняго вѣтра въ полѣ. 39

3X-5967

Стр.

АЛЕКСАНДРЪ ТАМАМШЕВЪ.

Влекутъ раздвинутыя шири 40

Цвѣта мѣди желтой и красной 41

НИКОЛАЙ КЛЮЕВЪ.

Въ златотканные дни сентября . . . 42

СЕРГѢЙ ЕСЕНИНЪ.

Осень 43

К. ФОФАНОВЪ.

Изъ осеннихъ мелодій 44

ARVH
P 45